

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

М. Я. СЮЗЮМОВ

РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ В НАЧАЛЕ X ВЕКА

В связи с открытием и изданием „Книги эпарха“ в буржуазной исторической литературе появились различные оценки византийского городского устройства.

В 1892 г. Николь, издатель „Книги эпарха“, в соответствии с идеалами фритреда и свободной капиталистической конкуренции, определял хозяйство Византии X в. как „рай для монополий, привилегий, протекционизма...“ „Правительство во все вмешивается, все контролирует, все регламентирует. Из истории Византии мы знаем, каковы были экономические и политические последствия режима, убивавшего предпринимательскую свободу... Различные ветви промышленности, которую так ретиво охраняли, перекочевали на Запад; торговля все надала и падала; все больше иссякало ее богатство, пока, наконец, не наступила катастрофа“.

Это противопоставление свободно развивающегося хозяйства на Западе полной стесненности жизни в Византии характерно было для позиций буржуазии, ведшей борьбу за свободу для капиталистического предпринимательства, против стеснений со стороны дворянского абсолютизма. Для республиканца Николя, так же как и для Монтескье — Гиббона — Фалльмерайера — Вальцинга, Византия была образцом гнета, мертвящей регламентации и деспотизма. Эта отрицательная оценка истории Византии типична почти для всей западной буржуазной исторической литературы эпохи домонополистического капитализма.

С переходом капитализма в стадию империализма, когда идеалы свободной конкуренции потускнели в „блеске“ трестов и монополий, отвращение у буржуазных ученых к византийскому абсолютизму постепенно исчезло. Они стали находить, что ничего особенного, отличного от западноевропейского средневековья в Византии не было.

Гериг¹ попытался дать общую оценку состояния хозяйства Византии по данным „Книги эпарха“. По его мнению, „Книга эпарха“ рисует картину, типичную для городского хозяйства в средние века с характерным для него принципом, что все должно покупаться публично и из первых рук и все, что может быть произведено в городе, должно быть в нем и потреблено. В „Книге эпарха“, утверждал Гериг, нет никаких указаний на крупное производство, напротив, видно, что преобладало мелкое кустарное производство. Эта оценка, безусловно, игнорирует специфику экономического развития Византии.

¹ Goehrig, H. Jahrbücher für Nation. Ökon. u. Statistik, 38, 592.

По мере того как буржуазия становилась все реакционнее, изменялось и отношение ее к истории Византии. Византия представляется буржуазными учеными государством образцового порядка и твердой власти. Тезис Николая „Византия — рай для привилегий, стеснений“ стал оспариваться. Андреадис¹ отрицал наличие в Византии стесняющего регулирования и утверждал, что в Византии существовала свобода выбора профессий, что, за исключением монетного и оружейного дела и некоторых необходимых для императорского двора видов производства, никаких монополий в Византии не было.

Андреадис и другие буржуазные идеализаторы Византии стремились доказать, что правительство Византии было надклассовым, что византийская государственность якобы обеспечивала порядок, спокойствие и безопасность для всех слоев населения, что „регулирование хозяйства“ в Византии не имело никакого классового смысла. Эта теория совершенно игнорирует классовую борьбу, которая в Византии проходила с исключительной остротой.

Однако эта форма фальсификации истории Византии, т. е. идеализация порядков византийского государства, не вполне соответствовала наступившему в Европе фашистскому „регулированию“. Необходимо было не отрицать регулирование, а идеализировать его. Финский профессор Миквиц фактически так и делает: он считает, что монополии и привилегии не стесняли производства в Византии, но, наоборот, были выгодны в хозяйственном отношении.

В полном соответствии с этой тенденцией идеализации византийской государственности Лопец („Speculum“, 1945, № 1) считает, что система привилегий, монополий и государственного регулирования полностью себя оправдала. На протяжении многих веков шелковая промышленность в Византии процветала и Византия сохраняла монопольное положение в торговле шелком с Европой.

В фашистской Италии, где демагогически выставлялись идеи так называемого „корпоративного государства“, псевдоученый Марцеттини старался сблизить древнеримские и византийские цехи с фашистскими профессиональными объединениями, а Льва VI пытался показать деятелем, организующим хозяйство в духе Муссолини.

В последнее время, однако, отношение к Византии в буржуазной историографии опять радикально изменилось. Среди английских и американских буржуазных историков развивается теория, противопоставляющая „Запад“, — этот, по их мнению, „оплот индивидуальной свободы и парламентаризма“, — „Востоку“ с его „азиатским деспотизмом и всеобщим закрепощением“.

В трактовке „Cambridge Economic History“ русское государство XV—XVII вв. было построено по образцу византийского, как государство „литургическое“, основанное на одновременном закрепощении и высших и низших классов общества в интересах государства.

Снова налицо стремление представить Византию как страну всеобщего гнета, закрепощения и несправедливости, но в настоящее время эта тенденция направлена уже не против абсолютизма, а используется для борьбы против всего прогрессивного человечества и прежде всего против великого Советского Союза, являющегося оплотом мира во всем мире.

Совершенно ясно, что ни русское, ни византийское государства не знали одновременного закрепощения и высших и низших классов.

¹ „Byzantion“, IX, 1934, стр. 171—181.

„Книга эпарха“ — блестящее опровержение теории наличия „литургического хозяйства“ в Византии.

Настоящая статья и ставит своей целью, на основании изучения источников, разоблачить эти фальсификаторские потуги зарубежной реакционной историографии.

* * *

Исходным моментом для понимания характера структуры и социального состава византийских цехов является своеобразие генезиса византийского феодализма.

С VIII в., когда византийская деревня, знакомая нам по „Земледельческому закону“, во многом становится подобной деревне „Салической правды“, город сохранил в основном характерные черты эллинистического города с достаточно мощными пережитками рабовладельческих отношений. Это и есть то характерное для Византии соединение цивилизации с варварством, о котором говорил Маркс.¹

Отсюда первая особенность византийского цеха (в отличие от западноевропейских цехов XII—XV вв.): византийское ремесло возникло не в результате выделения его как такового из сельского хозяйства, а в преемственной связи с позднеимским ремеслом, следовательно, моменты общинного устройства деревни не могли повлиять на устройство византийского цеха.

Вторая особенность византийского цеха — его относительная внутренняя слабость. Это вполне понятно: средневековая корпоративность на Западе основывалась на том, что при слабости феодального государства, при отсутствии централизованного аппарата существование единоличного хозяйства вне сплоченной общественной организации, будь то сельская община, цех или гильдия, было невозможным. В Византии гибель рабовладельческого строя не сопровождалась полным распадом государственного аппарата. Следовательно, в византийском городе средневековая корпоративность не имела столь всеобъемлющего характера, как на Западе. Это определяло относительную узость задач византийских торгово-ремесленных объединений.

Третья особенность византийского ремесла в интересующий нас период — значительная роль рабов в нем. В связи с этим, в отличие от западноевропейской ремесленной мастерской, в основном следующей принципу трехчленного строения: мастер — подмастерье — ученик, для византийской эргастерии характерно четырехчленное деление: 1) хозяин эргастерии; 2) раб — постоянный, иногда квалифицированный, работник, иногда прислужник-помощник; 3) мистий — наемный рабочий; 4) ученик.

В период, характеризующийся преобладанием свободного крестьянства, как в западноевропейских „варварских“ королевствах V—VIII вв., так и в Византии VII—IX вв., рабство все еще существовало. Однако в Византии рабовладение сохранилось не только в „домах“ вельмож, но и в ремесле, что значительно отличает Византию от Запада. В „Эпанагоге“ в исках, касающихся рабов, выставлялось требование, относящееся к τέχνη раба, т. е. к знакомству его с ремеслом.² Купить старались такого раба, которого можно было „научить и приспособить к собственному делу“.³

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 440.

² Эпанагога 36, 8. Пейра 38, 32.

³ Synopsis Basilic. Zachariae von Lingenthal Jus. Graeco-Romanum, v. V, p. 42.

Византия вплоть до XII в. оставалась крупным центром работорговли. В Константинополе существовал специальный рынок рабов: „торг, идеже рустии купцы приходяще челядь продают“.¹

Раб как работник встречается в „Книге эпарха“ повсеместно.² Наличие дешевой рабочей силы, являющейся собственностью хозяина, накладывает особый отпечаток на византийское ремесло. Византийский хозяин не был связан обычными требованиями по содержанию подмастерья в той мере, как это было на Западе. На Западе имелись тенденции, запрещающие расширять предприятие. Это осуществлялось путем ограничения числа учеников и подмастерьев. В Византии в отношении количества рабов в эргастерии ограничений не было. Не в традициях античного мира было ограничивать рабовладение. Поэтому уравнивательные тенденции в византийском цехе выражались слабее, чем на Западе.

Однако тот факт, что византийские хозяева, несмотря на наличие рабов, пользовались и наемным трудом, говорит о том, что рабский труд не удовлетворял константинопольских дельцов и они принуждены были искать более инициативных работников. Тем не менее полностью переходить на труд мистиев византийские дельцы не хотели; они старались использовать свое право рабовладельца и в то же время сделать раба более инициативным работником.

По „Книге эпарха“, раб мог стать членом некоторых цехов, например искусным ювелиром, но он не мог сделаться аргиропратом — продавцом драгоценностей, оценщиком,³ не мог войти также в цех трапезитов — менял. Цех трапезитов считался особо важным в силу своих функций регулирования монетного обращения, и поэтому перепоручать свои дела рабу трапезитам запрещалось.⁴

Раб мог быть продавцом ценных одежд местного производства. Но в „Книге эпарха“ не упоминается о рабах, участвовавших в торговле импортными одеждами. Рабам можно было поручать торговлю шелком-сырцом; рабы могли быть приняты в цех катартариев (по очистке шелка-сырца), серикариев (ткачи по шелку, красильщики шелка), но нет сведений о том, что рабы принимались в цехи торговцев импортным шелком и продавцов привозимой из-за границы парфюмерии.

Раб мог стать членом цеха мыловаров, но совершенно нет указаний на рабов как членов цехов хлебопеков,⁵ свечников, столяров, слесарей, маляров, работников по мрамору, строителей.

Чтобы понять причины допущения рабов в состав цеха, необходимо обратить внимание на условия приема. В уставе аргиропратов⁶ значится, что для приема раба в ювелиры необходимо поручительство

¹ Макарьевские Минеи, декабрь 173. А. П. Рудаков, стр. 126. В Константинополе рынок рабов со времени правления Феофила (829—842) помещался на месте бывших служебных помещений цирковых партий у Артополия. Торговцы рабами назывались „соматопратами“ („οἱ σωματοπράται ἐκεῖσε πωροῦσιν τὰ οἰκετῆς πρὸς βωτῆα“). Banduri. Imperium Orientale I, 17). Это так называемое „место плача“.

² Кн. Эп. 8, 9, 10; IV, 2; VI, 7; VII, 3, 5; VIII, 13; XII, 8; XI, 1, 9, 4; XVIII, 1; ряд свидетельств агнографии о рабах в ремесле приводится Рудаковым, стр. 125—128.

³ Кн. Эп. III, 10. См. „Книга эпарха“, Свердловск, 1949, стр. 50.

⁴ Ср. Кн. Эп. III, 1 и VI, 7.

⁵ Совершенно ясно, почему рабы не могли стать членами цеха хлебопеков. Чтобы быть хлебопеком, нужно было иметь солидное недвижимое имущество, которое приобреталось или через завещание, или в качестве приданого, или покупалось. Завещание и приданое для раба были вообще исключены, а покупка рабом недвижимости встречала непреодолимые препятствия.

⁶ Кн. Эп. III, 10.

его господина, если последний достаточно состоятелен. Для того же, чтобы попасть в число ювелиров свободному человеку, требуется поручительство пяти лиц, несущих с ним одинаковую ответственность. То же говорится и в уставе серикариев.¹ Выходит, что сделаться членом цеха рабу „достаточно состоятельного хозяина“ было легче, чем свободному человеку.

В таких условиях богатый вельможа мог через своих рабов владеть любым количеством эргастерий. Особенно важно отметить, что допущение раба в цех зависело лично от эпарха, так как эпарх мог решить, достаточно ли состоятелен (εὐπόρου τυγχάνοντος) его господин.² Иначе получилось бы нелепое положение: лицо, которое не может найти пяти поручителей, чтобы лично завести эргастерию, может это сделать, поручившись за своего раба!

Это положение давало возможность узкому кругу лиц, имеющих поддержку у эпарха города, пользоваться правом выставлять рабов в качестве подставных лиц.

Для уяснения смысла использования рабов в ремесле обратим внимание также на то, что рабы принимались в цехи, где производились предметы роскоши (ювелирные изделия, шелковые ткани, мыло).

Именно наиболее выгодные, наиболее доходные ремесла, в отношении продажи изделий которых не было установленного процента прибыли, находились в руках подставных лиц — рабов.

Интересно отметить, что регулирование процента прибыли относится не к профессиям, имеющим дело с предметами роскоши, но лишь к торговле предметами широкого потребления, т. е. касается снабжения населения Константинополя рыбой, мясом и хлебом. Регулирование процента прибыли видим лишь в уставах, относящихся к следующим цехам: 1) лавочников — продавцов предметов первой необходимости;³ 2) мясников;⁴ 3) рыботорговцев;⁵ 4) хлебопеков;⁶ 5) виноторговцев.⁷

У торговцев шелком-сырцом процент прибыли устанавливается только при продаже шелка-сырца внутри цеха; если кто-либо из метаксопратов окажется в состоянии закупить у заграничных купцов большое количество шелка, то он должен продать шелк-сырец тем, которые в момент торжища не имели достаточно средств. Ясно, что эта статья не регулирует ни прибыли, ни цен при продаже шелка на рынке.⁸ То же мы видим в междеховом регулировании прибыли при переступке купленного товара членам других цехов.⁹

В состав таких старинных и игравших важную роль в жизни Константинополя объединений, как цехи хлебопеков, мясников, свечников,¹⁰ кожевников, мелких лавочников, входила основная масса местных ремесленников — мелких хозяйчиков. Они выполняли функции снабжения

¹ Кн. Эп. VIII, 13.

² Кн. Эп. II, 10; VIII, 13.

³ Кн. Эп. XIV, 5.

⁴ Кн. Эп. XV, 2; XVI, 2.

⁵ Кн. Эп. XVII, 2, 4.

⁶ Кн. Эп. XVIII, 1, 4.

⁷ Кн. Эп. XIX, 2.

⁸ Кн. Эп. VI, 8—9.

⁹ Кн. Эп. IX, 6.

¹⁰ Свечники продавали не только свечи, но и масло, которое тогда было основным материалом для освещения.

столицы. Эти мелкие хозяйчики, разумеется, были бы против включения рабов в состав их цехов. Поэтому в статьях, касающихся этих профессий, нет указаний о допущении в эти цехи рабов. Интересно отметить, что в главах „Книги эпарха“, касающихся этих цехов, нет статей, которые говорят о праве эпарха принимать в число членов цеха лиц, имеющих рекомендации. Эти старинные цехи контролировались эпархом, он устанавливал процент прибыли для членов цеха, но состав этих цехов им не определялся и рабы — подставные лица своих господ — в цехи не допускались.

В статье XXII „Книги эпарха“ — „о лицах, берущих на себя выполнение работы, т. е. о столярах, лепщиках по гипсу, работниках по мрамору, слесарях, малярах и остальных“, совершенно нет указаний о рабах-ремесленниках. Лица этих профессий были выходцами из низов свободного константинопольского населения. Это были необходимые в условиях крупного столичного центра строительные рабочие; однако нет никаких данных о том, что они имели цеховую организацию. Это — мелкие ремесленники с крайне низкой оплатой труда, большей частью выходцы из деревни, которые нанимались в качестве мистиев — наемных рабочих — на один месяц. Иногда они пользовались подачками местной благотворительности, иногда составляли артели, работая на подрядчика. На такие работы направлять рабов не имело смысла, потому что жалкая оплата труда мелкого ремесленника едва могла прокормить самого работника и не могла предоставить никаких выгод для хозяина раба.¹

Допущение рабов в цех в качестве подставных лиц создавало особо выгодные условия для саноной константинопольской знати, давало ей возможность эксплуатации мелкого ремесла и торговли предметами роскоши.

Поэтому константинопольская знать была сильно заинтересована в сохранении рабства. Как раз Лев VI, которому приписывается „Книга эпарха“, издал новеллу о том, что господин в течение трех лет может требовать возвращения раба, принятого в клир. Вальсамон, в XI в., комментируя эту новеллу, находил, что это „соблюдается ради справедливости, хотя и не благоприятствует свободе“.² Как видим, в представлении константинопольской знати рабовладение считалось даже в XI в. „справедливым“.

Сохранение рабского труда приводило к застойности техники. „Книга эпарха“ содержит об этом интересные сведения. Так, по данным этого источника, бросается в глаза крайняя отсталость техники в мукомольном деле. В X в., согласно „Книге эпарха“, мука размалывалась жерновом, приводимым в движение животными.³

Между тем в селах еще в VIII в., как показывает „Земледельческий закон“, уже обычной была водяная мельница. Устав „Книги эпарха“ о хлебопеках не дает возможности перехода к более высокой технике. Прибыль нормируется таким образом, что приблизительно 4,5% шло в качестве чистого дохода хлебопеку, а 16,5% — на содержание рабов,

¹ У Льва Диакона (IX, 3) знатные заговорщики поручают изготовление ключа не своим рабам, которых, несомненно, у них было много, но приглашают ремесленника-слесаря.

² К Номоканону Фотия, гл. 36, тит. 1 (стр. 12).

³ Кн. Эп. XVIII, 2; ср. Со к р а т, Церк. ист., V, 18. В Риме в IV—V вв. существовали водяные мельницы (наряду с хлебопекарнями старого типа). В Константинополе отсутствие реки не позволяло переходить на более рациональное ведение дела.

животного и отопление, т. е. хлебопек получал только то, что необходимо было для поддержания его хлебопекарни при выполнении повинности, столь важной в деле снабжения столицы.

В „Книге эпарха“ термин „мастер“ в западноевропейском смысле этого слова не встречается. Употребляются лишь слова „мыловар“, „свечник“, „ткач“ и т. д., т. е. наименование профессии. Но нужно иметь в виду, что так называется только хозяин эргастерии или во всяком случае лицо, более или менее самостоятельно ведущее дело.

Должен ли византийский „мастер“ знать свое ремесло? Безусловно, без знания ремесла он не мог бы вести дела своей „эргастерии“.¹ Но вопрос в том, необходимо ли было знание ремесла для зачисления в цех. Оказывается, что нет. В уставе о мыловарах (§ 1) говорится: „Кто без ведома эпарха или простата научит своему делу постороннее лицо, не входящее в состав цеха, будет подвергнут штрафу в 24 номисмы“.² А в § 2 о порядке приема в цех сказано: „Кто желает вступить в число мыловаров, должен быть предварительно представлен эпарху и только после этого может быть принят в цех и открыть мастерскую... Он должен представить поручителей, внести в казну 6 номисм“ и т. д. Здесь речь идет не об ученике, а о лице, открывающем мастерскую. Следовательно, поскольку § 1 запрещает обучать мыловаренному делу не состоящих в цехе, можно притти к важному выводу: эпарх принимал в цех совершенно незнакомых с ремеслом людей, но отвечающих требованиям § 2. Принятый в цех только после этого, согласно § 1, мог быть обучен мыловаренному делу.

В „Книге эпарха“³ в главе относительно метаксопратов, т. е. торгующих шелком-сырцом, говорится о правилах найма мистиев; эти наемные лица, безусловно, занимались очисткой шелка-сырца, так как серикарии покупали от метаксопратов шелк-пряжу. Сами же метаксопраты не имели права заниматься очисткой шелка-сырца. Мало того, если чистильщик шелка-сырца (катартарий) захочет стать метаксопратом, то он должен дать обязательство, что не будет больше лично обрабатывать сырец.

Требование, чтобы хозяин, ведущий торговлю товаром, сам не изготавлял его, было в духе традиций рабовладельческого мира.

Мастер в византийском цехе не всегда мог так или иначе воздействовать на прием в цех нового члена. В „Книге эпарха“ только в главе о вестипопратах говорится об участии членов цеха в приеме нового члена. „Для того чтобы быть допущенным к профессии вестипопратов, необходимо, чтобы перед эпархом поручились пять лиц из данной профессии в том, что данное лицо пригодно к занятию этим делом“.⁴ Нет никаких общих собраний для приема в члены цеха. Так, названия „докимасия“ (проверка) и „псефос“ (голосование) встречаются только в уставе табуллариев,⁵ которые занимали особое положение,

¹ Basilic. 54, 16, 16. Для принятия в цех требовалось признание „пригодности“ к данной профессии — *τεχνης ἐπιτῤεος*. Понятие „ἐπιτῤεος“ (в Дигестах — *idoneus*) соответствует словам „ἄξιος ἐν τῇ τέχῃ“ — „достойный“ в „Книге эпарха“ IV, 5, что отнюдь не означает знание ремесла, а скорее благонамеренность, необходимая для члена цеха. Это же требование в гл. VI, 6 и XVI, 1 выражено словами: „μάρτυρεῖσθαι ἐπὶ ἀγαθῇ ὑπολήψει“.

² Кн. Эп. XII, 1, 2.

³ Кн. Эп. VI, 2.

⁴ Кн. Эп. IV, 5.

⁵ Кн. Эп. I, 1.

имели привилегию избирать нового члена, произведя испытание. Роль эпарха при этом сводилась к официальному присутствию при обряде приема нового члена цеха. В прочих случаях прием производился эпархом по представлению пяти поручителей из „честных, почетных граждан“,¹ которые ручаются в том, что кандидат „достоин“ принятия в цех,² не состоит в другом цехе и не совершит ничего противозаконного.

Внутри византийского цеха не было даже относительного равенства. С одной стороны, не было правового равенства, так как наряду с свободными были рабы, с другой — не было равенства „положения“. „Почетными“ считались не все члены цеха, а лишь наиболее богатые и „благонамеренные“.

Когда дело касалось льготных закупок, через ведомство эпарха составлялся список (апографэ), в который вносили далеко не всех. Катартари, желающие купить сырец, должны прежде всего записаться у эпарха, при этом они не должны быть рабами, или вообще неимущими, или же имеющими о себе „дурную славу“, но только из числа почетных (χρησίμων).³ „Это делается... чтобы сырец не разошелся ко всякого рода людям низкого звания“. Следовательно, в числе членов цеха некоторые считались людьми „низкого звания“.

Кто же считался „почетным“ (дословно: полезным — χρησιος) гражданином? Данное понятие в „Книге эпарха“ соединяется с представлением о праве „свидетельствовать“. Но право свидетельствовать (μαρτυρεῖσθαι) в Византии имели далеко не все свободные. По „Прохирону“, „бедные (πένητες), не обладающие имуществом в 50 номисм, не могут свидетельствовать“.⁴

Положение большинства самостоятельных хозяев эргастерий было весьма тяжелым. Агиография приводит данные о мелких собственниках эргастерий в Константинополе, которые изготавливали при помощи наемников шелковые ткани. Эти „хозяева“ отнюдь не представляли зажиточную часть населения и часто страдали от безработицы.⁵ Но далеко не все ремесленники были объединены в цехи. Можно определенно сказать, что большинство ремесленников во время Юстиниана, в X в., и вплоть до падения Константинополя не имели цеховой организации. Глава XXII „Книги эпарха“ подтверждает это. Все мелкие ремесленники, перечисленные в этой главе, т. е. столары, лепщики по гипсу, работники по мрамору, слесари, маляры и различные строительные рабочие, квалифицируются как одиночки, принимающие заказы, или как лица, работающие на подрядчика. Большая часть этих ремесленников — поденщики, которые, „оставшись без работы, окажутся лишенными пищи“.⁶

Члены цехов (συντηματικοί) в Византии противопоставлялись одиночкам — „идиотам“ (ιδιώταις τέχνην οἰαυδήτινα μετερχομένοις).⁷

¹ Кн. Эп. III, 1; VI, 6; VII, 3.

² Кн. Эп. IV, 5; VI, 6; XVI, 1; VII, 3.

³ Кн. Эп. VII, 5.

⁴ Prochiron., XXVII, 13; Basil. 60, 34, 8; Peira 30, 2. У Юстиниана ремесленники, вынужденные заниматься лично физическим трудом, не пользовались почетом: показания ἐπίθροους (сидящих на скамье), χαμάρτεῖς (сидящих на земле), ἀσῆμοις (то же выражение и в „Книге эпарха“) на суде не считались достоверными (nov. Just. XC, 1).

⁵ Житие Авксентия, у Метафраста (Migne. Patr. gr., v. 114).

⁶ Кн. Эп. XXIII, 2.

⁷ Ecloga basilic. II, 2.

Агиография рисует невыносимо тяжелое положение ремесленников-одинок. Св. Захария, сапожник и заготовитель кож, жил в крошечной лачужке около церкви, сутками напролет трудился над обработкой кож и жил в крайней бедности.

В эргастериях работали днем и ночью. В Пасхальной хронике (588) говорится о том, что епарх Кир при Феодосии II установил новый порядок вечернего и ночного освещения эргастерий.

О ночном труде ремесленников говорит также Либаний. Наиболее презируемые из ремесленников — *τῆλαγγαροί* жили в крайней нищете. Жития красочно рисуют горькую жизнь одинок-горшечников, которые „живут в союзе с неудачей и имеют сожительницей нужду“.¹

В агиографии очень часто встречаются упоминания о строительных рабочих. Самый характер их работы — постройка домов, церквей и т. д. требовал объединения. В житиях VIII—X вв. строители — наемные рабочие, организованные в артели. Обычно эти артели состояли из земляков, принимали заказы и странствовали из города в город. По житию св. Симеона Столпника, строительные рабочие из исавров, работая над постройкой стен в Антиохии, жили настоящей деревней. У них была прочная взаимопомощь, они весьма заботились и ухаживали за земляками, потерявшими трудоспособность.²

Наличие неорганизованного ремесла в Константинополе определялось спецификой социально-экономической жизни Византии. Процесс отделения ремесла от сельского хозяйства происходил в Византии в условиях сохранения с античных времен ремесленного производства и цеховой организации в городах. Уже Юстиниан отмечал громадный приток населения в Константинополь из деревень. „Провинции совсем лишаются своих жителей, а столица переполняется лицами разного звания, в особенности же крестьянами“.³ В Константинополе отдельные цехи, игравшие важную роль в деле снабжения двора и столичного населения предметами питания и одежды, сохранились, поскольку правительство обеспечило за ними монополию на занятие данным ремеслом. Прочие же мелкие цехи, хотя и многочисленные по составу, цехи столяров, слесарей и т. д., не будучи в состоянии конкурировать с постоянно прибывающими из деревни ремесленниками, распались.

Не в интересах константинопольской знати было допустить сильную организацию мелкого ремесла. Жалкий уровень жизни мелких ремесленников являлся результатом не конкуренции рабского труда, якобы снижающего оплату (в их рядах рабов не было), а конкуренции выделяющейся из деревни рабочей силы.

Крестьяне, подавленные беспощадной налоговой системой, бежали и в первую очередь старались устроиться в столице. Они постоянно пополняли ряды мелких *ἐργολάβοι*. Разумеется, эти толпы обездоленных согласны были на любые условия, и действительно, их приток приводил к снижению оплаты труда мелких ремесленников.

Члены семьи ремесленника — хозяина эргастерии — тоже участвовали в труде. Они или помогали главе семьи, или работали как одиночки.

В *Patria Constantinopolitana*⁴ передается сообщение, что император Лев до своего вступления на престол был мясником, а его жена

¹ А. П. Рудаков. Очерки Византийской культуры по данным греческой агиографии, стр. 146.

² А. П. Рудаков, цит. соч., 142.

³ Новелла 99, 19.

⁴ Script. Orig. Constant., ed. Praeger, II, 250.

из кишок изготовляла струны или тетивы для луков. В житиях святых часто попадаются сведения о женщинах, занимающихся ткачеством. В середине XII в. в шелковом производстве заняты были женщины, „знавшие ремесло своих мужей“.¹

Однако нет никаких сведений о наличии в Византии женских цехов, хотя женщины, повидимому, могли быть членами цеха.²

В Византии подмастерье, более или менее тесно связанный с цехом, отсутствовал. Хозяин мастерской нанимал за плату рабочего. Наемный рабочий для поступления в цех нисколько не был ограничен особыми требованиями. Никаких поручителей в честном его поведении не требовалось.³ Наемный рабочий („мистот“, или „мистий“) получал заработную плату за месяц вперед. Нет никаких данных о существовании каких-либо количественных ограничений найма мистотов. Мистот очень подвижен в смысле перехода от одного мастера к другому, и нет данных, что именно из среды мистотов выходят члены цеха. Наоборот, мистот принадлежит к низам общества и не имеет возможности стать хозяином.

Из некоторых статей „Книги епарха“ можно сделать вывод, что потребность в квалифицированной силе в ремесле была весьма остра. Хозяин не имел права заключать договоры с наемными работниками на срок больше чем в 30 дней, чтобы тем самым окончательно не закрепить за собой квалифицированного мастера в ущерб другим хозяевам. Хозяева мастерских не имели права давать льготных выплат авансом больше чем за месяц, не должны были переманивать к себе работника прежде, чем тот отработает свой месячный аванс.⁴ Но потребность в рабочей силе вовсе не обуславливала высокую наемную плату. Наоборот, наемный работник, по данным агиографии, являлся синонимом бедняка-полунищего. Авансирование платы за месяц вперед просто объясняется словами „Книги епарха“: „μὴ ἐν ἀπορίᾳ τροφῆς γένοιτα“ („чтобы не оказались лишенными пищи“).⁵

В уставе табулляриев есть статья, гласящая, что если кто из писцов, нанятых табуллярием, будет за какой-нибудь проступок уволен хозяином, то уволенный не имеет права поступить писцом к другому табуллярию.⁶ Неизвестно, применялось ли данное правило к лицам наемного труда в других профессиях. Можно думать, что в Византии особых постановлений в отношении репрессий к строптивым рабочим просто не требовалось: власть городского епарха была достаточной для того, чтобы „облагоразумить“ (по выражению „Книги епарха“) любого нарушителя „порядка“. Порка, позорное шествие, административная высылка — обычные наказания со стороны епарха.⁷

В Византии в наличии достаточного количества наемных рабочих заинтересованы были:

1. Государство, главным образом епарх Константинополя, привлекавший „технитов“ для разных работ по укреплению и благоустройству города (особенно много было работ по содержанию и ремонту водопровода).

¹ Никита Хониат, „Римская история“, Русс. пер., т. II, СПб., 1862, гл. 8.

² Кн. Эп. VII, 2.

³ Но в цехе табулляриев принятие писца обусловлено согласием всей коллегии (Кн. Эп. I, 24).

⁴ Кн. Эп. VI, 2, 3; VIII, 10, 12.

⁵ Кн. Эп. XXII, 2.

⁶ Кн. Эп. I, 4.

⁷ Кн. Эп. XVIII, 5; VII, 6. То же выражение в „Эклоге“, тит. 4, 7.

2. Знать, использовавшая ремесленников для обслуживания константинопольского порта, для постройки своих „домов“, строительства „богоугодных“ заведений и церквей.

3. Церковь — для церковного строительства и внутренних служб в церковном хозяйстве.

4. Хозяева эргастерий для использования их в качестве мистиев в своих мастерских.

5. Собственники „проастиев“ — для работ в пригородных садах, огородах и виноградниках.

Правительство постоянно стремилось обеспечить существование такой многочисленной армии поденщиков.

В отношении ремесленников и вообще лиц физического труда (кроме крестьян) не вводились правила, ограничивающие срок пребывания в столице тремя месяцами. Сохраняло силу постановление Юстиниана о том, что бедняки, прибывающие в столицу, если они были достаточно физически крепкими, должны были направляться на работу на строительство, в хлебопекарни или в пригородные огороды. Не желающие работать должны были выселяться из столицы.¹ По кодексу Юстиниана, правительство заинтересовано было, чтобы тюрьмы не загружались. Предписывалось или наказывать, или быстрее освободить из тюрем. Ежемесячно требовались подробные сведения о составе заключенных, епископ должен был еженедельно обследовать тюрьмы и беседовать с заключенными.²

Масса поденщиков, как свидетельствует агиография, была в летний сезон наемными рабочими, зимой же — нищими. Заработная плата не могла обеспечить их на зиму, так как ее едва хватало на дневное питание.

В „Книге епарха“ не указывается величина заработной платы поденщика. Но не следует думать, что не существовало нормирования заработной платы поденщиков. Существовал обычай, сохранявший определенную устойчивость в этом деле (*τῆς παλαιᾶς συνήθειας*).³

Всякое отклонение от этого „древнего обычая“, т. е. установившегося уровня заработной платы, встречало противодействие со стороны государства. В 541 г. при Юстиниане после жестокой эпидемии чумы, вследствие недостатка наемных рабочих, заработная плата значительно повысилась. Юстиниан в 122 новелле запретил ремесленникам, сельскохозяйственным рабочим, матросам, строителям требовать зарплату выше, чем они получали до чумы, обвиняя их в „алчности“, и назначил трехкратный штраф „и на берущих и на дающих“.

По „Земледельческому закону“, дневной заработок поденщика равен одному кератию.

Люмпен-пролетариат в интересах политической безопасности и сохранения в столице рабочей силы подкармливался за счет правительства. Пока Византия сохраняла власть над такой богатой провинцией, как Египет, это было легко делать в самых широких масштабах. Но, как передает „Пасхальная хроника“,⁴ с 618 г. (когда Египет оказался в руках персов, а потом арабов) массовые регулярные раздачи продуктов и денег люмпен-пролетариату прекратились. Однако, в ограни-

¹ Nov. Just. 80 (539 г.). Эпанорога, V, 5. Basil. 6, 69.

² Nov. Just. 9, 4, 5 и 6. По „Книге епарха“, тюремное заключение как мера наказания вовсе не упоминается.

³ По Кодексу Феодосия, зарплата грузчиков устанавливалась префектом (Cod. Theod. XIV, 22, 1, 364 г.).

⁴ Chron. Pasch., ed. Bonn. I, a. a. 618.

ченных размерах, как пережиток, они продолжали существовать и в последующее время. Даровой хлеб обычно раздавался по специальным свинцовым тессерам, образцы которых приводит Schlumberger в своей „Сигиллографии“. Бесплатная раздача продовольствия бедноте требовалась этикетом придворных церемоний (особенно во время ежегодных празднеств в цирке в день 11 мая, когда по случаю годовщины основания Константинополя раздавались пирожки, рыба, овощи).¹ Некоторое количество бедноты подкармливалось при патриаршем дворе. Правила приличия того времени требовали, чтобы при похоронах зажиточных лиц производилось даровое угощение бедноты. Все это позволяло „мистиям“ кое-как существовать во время безработицы, дожидаясь сезонных работ. Поскольку спрос на изделия ремесла (в особенности на предметы роскоши) зависел от внутривизантийской устойчивости Византии (доходы знати, сбор налогов, состояние внешней торговли), которая нередко нарушалась, в византийских городах зачастую отмечалась безработица.² Мистий, которого в любой момент можно было рассчитать, был в данном случае выгоднее постоянного раба, содержать которого было бы убыточно.

В новейшей литературе вопроса встречается предположение, что лица наемного труда в свою очередь были объединены в специальные цехи.

Миквиц³ считает, что мистии, нанимаемые метаксопратами для очистки шелка, были членами цеха „катартариев“. Именно для того, чтобы поставить катартариев в зависимость от себя, метаксопраты давали им плату за месяц вперед. Это мнение имеет некоторое основание: в „Книге эпарха“ говорится о том, что катартарии должны были покупать сырец у метаксопратов, но очищенный шелк-сырец серикарии-ткачи покупали тоже у метаксопратов. Следовательно, метаксопраты скупали очищенный шелк и продавали ткачам. В данном случае наемная плата, выданная вперед из расчета „сколько может выработать работник за месяц“, являлась бы авансированной обратной покупкой уже очищенного шелка и в таком случае роль метаксопратов состояла в монопольной продаже сырца и скупке очищенного шелка с выплатой вперед. Но в „Книге эпарха“ идет речь не о катартарии — члене цеха, а о внецеховом рабочем, работающем на дому. Члены цеха катартариев сами покупали для себя сырец (иногда непосредственно в компании, иногда от метаксопратов).⁴ Они могли продавать любому метаксопрату, но только не на сторону. Совсем иное положение мистота: тот не мог продавать сырец вообще, так как продажа сырца была монополизирована. Внецеховой наемный рабочий мог только принять сырец на очистку от метаксопрата и получить вперед плату за свой труд.

Статья шестая главы о катартариях подтверждает это: если кто из катартариев будет уличен в том, что пропивает в кабаке шелк-сырец, или же является смутьяном, ругающимся площадной бранью, такой человек изгоняется из цеха, „чтобы он не продавал больше сырца“. В статье говорится об исключении из цеха за неподобающее поведение, но не об изгнании из города, не о запрещении заниматься ремеслом, но упоминается только о лишении права продавать

¹ Patr. gr., v. 112, p. 637.

² Patr. gr., v. 114, p. 1041.

³ Byzantinische Zeitschrift, 1936, 1

⁴ Кн. Эп. VI, 2; VII, 5.

шелк. Из статьи следует, что изгнанному из цеха катартарию пришлось бы превратиться в мистия, продолжать заниматься своим ремеслом, но уже без права продажи, т. е. работать на торговца шелковой пряжей. Таким образом, непосредственный производитель в Византии мог быть более или менее независимым хозяином, членом цеха с возможностями при обогащении перейти в высшие цехи, главным образом торговые,¹ при неудаче — опуститься на положение мистия. Мистий же мог выбраться из своего положения и вступить в цех, если только мог найти пять поручителей, добиться утверждения его приема со стороны епарха, что было почти невозможно.

Цеховые ремесленники — это привилегированные потомственные константинопольцы; мистии — обнищавшие или пришлые люди.

О тяжелой жизни наемных поденщиков пишет Феодор Студит, который поражался равнодушию поденщиков ко всем волновавшим византийское общество вопросам иконоборчества.

«Когда идет речь о вере, не следует говорить: „Я бедняк, зарабатывающий только дневную пищу! Меня не касается речь и забота об этом предмете!“ Но хотя бы ты был и низким, безрассудно говорить: „какая мне о том забота“».²

Эти ἐργολάβοι, „принимающие работу“, как и все лица, указанные в гл. XXII „Книги епарха“, — внецеховые ремесленники. Но вряд ли следует в них видеть рабочих мануфактур: ни из „Книги епарха“, ни из агнографических памятников нельзя извлечь никаких данных о наличии в Византии частных мануфактур. Крупные мастерские, находившиеся в ведении государства, обслуживались не наемниками, но рабами и приреченными к принудительным работам.

К. Маркс называет Константинополь „главным центром роскоши и нищеты на всем Востоке и Западе“.³ Именно наемные рабочие и были наиболее обездоленными людьми того времени. Несмотря на то, что они были людьми „свободными“, их положение в сущности было даже хуже, чем положение рабов и крепостных. „Существование раба обеспечено личной выгодой его владельца; у крепостного есть, по крайней мере, кусок земли, которым он живет; оба они гарантированы, по меньшей мере, от голодной смерти; пролетарий же предоставлен исключительно себе самому...“⁴ Хотя наемного рабочего X в. („мистия“) нельзя считать пролетарием в современном смысле этого слова, но сказанное Ф. Энгельсом в большой мере может быть отнесено и к „мистиям“.

Вопросы ученичества не ставились особо в „Книге епарха“. Но наличие учеников бесспорно (упоминания в главах о керулариях).⁵ В агнографических памятниках часто говорится об учениках ремесленных мастерских, причем обычно они работали за плату, так что их положение не отличалось от положения мистия. В цехе табуллариев обучение учеников было возложено на специальных лиц νομικοὶ и παιδοδιδάσκαλοι.⁶ Возможно, что и в некоторых других профессиях, требующих высокой квалификации, существовали подобные же специальные учителя. В „Василиках“ говорится о каких-то ἐργοδιδάσκαλοι (или, в других списках, — ἄλλων ἐργῶν διδάσκαλοι), т. е. об учителях разных профессий; в латинском тексте этому выражению соответствует: „Aliorum

¹ Кн. Эп. VII, 3.

² Patr. gr., v. 99, p. 1321.

³ Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 193.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 408.

⁵ Кн. Эп. XI, 1.

⁶ Кн. Эп. I, 16.

diversorum operum professores“.¹ В профессиях, не связанных с цеховым устройством, ученик, получивший достаточные навыки по ремеслу, в любой момент мог сам принимать заказы и открывать свою мастерскую.²

Какие же преимущества давал цех? В первую очередь члены цеха, утвержденного правительством (συστημα), обладали монопольным правом заниматься своим ремеслом в Константинополе. Государство запрещало посторонним лицам заниматься теми профессиями, которые были объединены в цехи. Для членов цеха было выгодно обеспечить себя поддержкой со стороны государства от конкуренции постоянно прибывающих из деревни. С другой стороны, в существовании цехов было заинтересовано и государство, так как регулирование производства и торговли было бы затруднительно проводить среди неорганизованной и текучей массы. Исключительно силами чиновничьего аппарата, весьма продажного, государство не могло бы следить за нелегальными ремесленниками и торговцами. Но члены цеха в своих собственных интересах оказывались наиболее ретивыми инспекторами: почти у каждого цеха имелись свои нелегальные профессии. Трапезиты имели конкурентами нелегальных „сакуляриев“ („мешочников“), которые со своими мешками выходили на перекрестки улиц и „из-под полы“ вели обмен денег, т. е. присваивали себе функции менял. Члены цеха трапезитов обязаны были задерживать и приводить к эпарху этих людей.³ Вероятно, были случаи, когда трапезиты за взятку смотрели сквозь пальцы на деятельность „сакуляриев“. „Книга эпарха“ грозит за это строгим наказанием. В торговле шелком-сырцом выступали лица, носившие название „мелатрариев“. Это, очевидно, торгующие нелегально шелком-пряжей.⁴ В торговле мылом встречаются „метапраты“ (перепродавцы мыла),⁵ не причисленные к цеху. Их сделки караются конфискацией. Подобные „метапраты“ встречаются и в торговле скотом.⁶ На салдамариях (лавочниках) лежала обязанность следить за тем, чтобы лица, не принадлежащие к цеху, не делали запаса товаров для спекуляции.⁷

Самое право заниматься данным ремеслом, по „Книге эпарха“, связывалось с зачислением в цех. Если кто желает быть допущенным в ювелирную мастерскую (εις ἀργυροπράτιον ἐργαστήριον), тот должен выставить пять поручителей для вступления в цех.⁸

Из главы „Книги эпарха“ о серикариях — ткачах по шелку ясно, что разрешение на открытие новой мастерской есть в то же время прием в члены цеха: „Кто желает открыть свою мастерскую, тот... (по представлению поручителей) должен уплатить в пользу цеха 3 номисмы“.⁹

Члены цеха имели привилегию в покупке товаров у иногородних и чужеземных купцов: последние обязаны были продавать свой товар в первую очередь членам цеха.¹⁰ Например, импортные ткани из Сирии должны были целиком складываться в специальные помещения с тем,

¹ Zachariae Basilic. XIX, 18, 1.

² Из жития Ильи Нового. „Правосл. палест. сб.“, 1907.

³ Кн. Эп. III, 2.

⁴ Кн. Эп. VI, 15.

⁵ Кн. Эп. XII, 4, 6.

⁶ Кн. Эп. XVI, 3.

⁷ Кн. Эп. XIII, 4.

⁸ Кн. Эп. II, 10. Следовательно, внецеховых ювелиров быть не могло.

⁹ Кн. Эп. VIII, 13.

¹⁰ Кн. Эп. V, 2.

чтобы все члены цеха, предварительно собравшись, могли распределить товар между собой.¹ Это приводило к тому, что члены цеха в контакте с городским эпархом могли устанавливать к своей выгоде уровень цен. Иногда это приводило к прямому насилию над провинциалами. Обратим внимание на 6-ю статью главы о ювелирах: „Если кто из иногородних продает золото или серебро, безразлично — в изделиях или слитках, то его необходимо отвести к старшине цеха и разузнать, откуда он имеет металл, чтобы можно было обнаружить краденое“.² При применении этой статьи члены цеха могли буквально терроризировать провинциального продавца, так как член цеха — ювелир, заинтересованный в выгодной покупке металла, имел власть и надзирателя, и полицейского, и судебного следователя.

Иногородний купец не мог выжидать установления более выгодных для него цен: он обязан был в течение трех месяцев распродать весь свой товар. Если же товар оставался не распроданным, то он не имел права увезти его обратно или отправить в другое место: как поступить с нераспроданным товаром, мог решить только эпарх.³

Крупные выгоды членам цеха давало право включаться в „апографэ“ — список, составленный ведомством эпарха на коллективную закупку товаров, привозимых иностранцами. „На время торжища весь цех в совокупности облагается сбором, сколько кто может внести. И пропорционально вносимому каждым членом взносу производится распределение“.⁴

„Катартари, желающие купить шелк-сырец в количестве, нужном для обработки, должны предварительно записаться у эпарха...“⁵ „Более бедные из катартари, а также те из метаксари, которые не были включены в список, не имеющие возможности закупать сырец, привозимый из-за границы“, должны покупать его у метаксопратов⁶ (с приплатой унции на номисму).

„Если кто, владея большими средствами, окажется в состоянии закупить большое количество шелку от заграничных купцов, он обязан продавать шелк тем, которые не имели достаточных средств (с наценкой унции на номисму)“.⁷ Специальное лицо — легатарий (по исполняемым им функциям его можно отождествить с симпоном обрядника Филофея)⁸ собирает все сведения о ввозимых в столицу товарах. Этот список тоже назывался „апографэ“ и соответствовал списку, составлявшемуся на участие в покупке товаров.⁹ Члены цеха имели также исключительное право участвовать в коллективной меновой торговле с болгарами.¹⁰

„Книга эпарха“, однако, не отражает в полной мере выгод, получаемых членами цеха в результате коллективного ведения дел. Но в новеллах Льва VI торговые и ремесленные объединения рисуются в более широком виде (новелла 102, 103). В новеллах Льва VI считается обычным, что *συμεμπόροι* (соучастники в торговом предприятии) в одинаковой мере участвуют и в прибылях и убытках (новелла 70).

¹ Кн. Эп. V, 2.

² Кн. Эп. II, 6.

³ Кн. Эп. V, 5.

⁴ Кн. Эп. V, 3; VI, 8; IX, 3.

⁵ Кн. Эп. VII, 5.

⁶ Кн. Эп. VII, 2.

⁷ Кн. Эп. VI, 9.

⁸ Patr. gr., v. 113, p. 1316.

⁹ Кн. Эп. XX, 1.

¹⁰ Кн. Эп. IX, 6.

Лев VI покровительствовал торговым и промысловым объединениям. В введении к новелле 102 он многоречиво говорит о пользе компаний (κοινωνήσις). „Много благ в жизни доставляет товарищество в предприятиях (τῶν πραγμάτων κοινωνήσις), если оно организовано на разумных началах (σὺν φρονήματι καὶ λογισμῳ), ибо от объединения какого-либо лица, имеющего власть с другим, имеющим подобную же власть, их влияние делается более могущественным; богатые, привлекая в сообщество другого богатого, еще больше выгод извлекают из своего богатства. Равно как и при тяжелой бедности, сообщество в делах не окажется бесполезным, так как нищета через сообщество станет менее тяжелой“.

В новелле 103 говорится: „В существующих сообществах (κοινωνήματων) часто имеется такой порядок, когда тот, кто вносит больший паевой взнос (τὸ πλεόν μέρος) в сообщество (κοινωνία), извлекает большую долю прибыли (τὸ πλεόν τοῦ μέρους); и у тех, кто принимает такой порядок, дела идут благоприятно“. Новелла 103, таким образом, поясняет практику коллективных закупок в соответствии со статьями V, 3; VI, 8; IX, 3 „Книги эпарха“.

Что же касается вопроса об установлении уровня цен главным образом на предметы роскоши, то можно сделать вывод, что цены и условия покупки предварительно устанавливались наиболее влиятельными членами цеха. Катартари, покупавшие шелк-сырец для очистки, обязаны были вступать в сообщество (κοινωνία) и закупать согласно условиям соглашения (συμφωνία).¹ Это являлось важной привилегией членов цеха, главную выгоду от которой извлекали наиболее богатые владельцы мастерских, имевшие наличные средства для закупок.

Кроме цехового ремесла, в Константинополе существовали также и государственные мастерские. Они имели целью непосредственное обслуживание нужд императорского двора, дипломатии и армии. Потребности двора были колоссальны. Церемониал требовал особого величия, которое являлось в то же время одним из существенных средств поддержания авторитета императорской власти. Огромного количества предметов роскоши и вообще ценных товаров требовала тогда и дипломатическая практика для подкупа послов и правителей соседних народов. Константин Багрянородный² перечисляет, какие товары нужны были для поддержания добрых отношений с печенегами в X в.: шелковые ткани, знакомые по „Книге эпарха“ прандии, муслин, бархат, красный сафьян, перец. Чтобы выкупать пленных, тоже требовались ценные ткани.³ Наконец, очень велика была потребность государства и в оружии для армии, а поручать его производство частным лицам правительство не решалось, не без основания опасаясь, как бы оружие не попало населению.

При императорском дворе были свои ювелиры (χρυσόχοοι), портняжные мастерские (ἐπὶ τοῦ ῥαφείου), вязальщики, вышивальщики золотом, ткачи, красильщики тканей (ιστοουργοί, ῥαφεῖς, γυναικίarioι, χρυσοκλαβάριοι, βαρβαριχάριοι, κογχυλευταί, ὀξυραφεῖς).

Можно сказать, что императорский двор и государство старались как можно меньше покупать на частном рынке. Существовало своеобразное государственное натуральное хозяйство.

Государственные мастерские не находились в ведении эпарха. Во главе мастерских стояли чиновники — „архонты“, печати которых сохра-

¹ Кн. Эп. VII, 4.

² Об управлении империей, 6, Patr. gr., v. 113.

³ Nicephori breviarium, 86.

нились в большом количестве („архонты влаттии“, „эргастериархи“). Архонты были правительственными чиновниками, состоявшими на жаловании. Сохранилась печать, из которой явствует, что лицо придворного звания (ἀπὸ ἐπάρχων) занимало должность архонта влаттии.¹

В X в. государственные мастерские находились в ведении „идика“ (ὁ ἐπὶ τοῦ εἰδικοῦ). Дюканж, а за ним и Беляев в „Byzantina“² отождествляет это ведомство с управлением частным имуществом императора, т. е. *patrimonium privatum*, следовательно, идик comes regum privatarum. Однако функции идика ни в коей мере не соответствуют функциям заведующего личным имуществом царя. Бьюри³ указал, что идик, в противоположность логофету общей казны, заведывал специальными видами государственного хозяйства. В штате идика, по обряднику Филофея, значилось четыре различные должности: 1. Царские нотариусы секрета. 2. Архонты мастерских (ἀρχόντες τῶν ἐργασείων). 3. Гебдомарии („недельные“). 4. „Старшие“ в мастерских (μεϊζότεροι τῶν ἐργασείων). Из описания Константином Багрянородным подготовки к походу византийских войск на остров Крит явствует, что ведомство идика обязано было снабжать армию и флот военным снаряжением и необходимыми для похода материалами — парусами, канатами, топорами и т. д.

Нет никаких данных полагать, что ведомство идика распродало, хотя бы частично, изделия мастерских.⁴ В штате ведомства нет соответствующих должностных лиц. При ведомстве имелась особая касса. Бьюри полагает, что эта касса получала средства от продажи изделий мастерских. Однако оружейные мастерские во всяком случае не могли продавать свои изделия.⁵

Рабочие государственных мастерских состояли:

1. Из осужденных на каторжные работы. Так, например, Феодор Студит в IX в. пишет своему другу, осужденному за иконопочитание: „А что тебя поместили между ткачами как царского раба“ (βασιλικὸν οἰκέτην).⁶

2. Из государственных рабов и работавших в мастерских потомственных ремесленников (например, в монетном деле, в производстве оружия и пр.). Раб, принадлежавший частному лицу, но принятый в цех, следовательно, имевший соответствующую квалификацию, мог быть обращен в государственную собственность, если он был уличен в нарушении правил.⁷

3. Из временно привлекаемых за особую плату ремесленников цехового ремесла.⁸ Всякий раз, когда ремесленники должны были выполнять в качестве повинности, но за плату, какие-либо работы для удовлетворения потребностей двора, они поступали в распоряжение протостратора, как то особо подчеркивается в „Книге эпарха“.⁹

¹ „Byzantion“, V, 583.

² А. Беляев. „Byzantina“, т. I, стр. 47.

³ J. B. Bury. The administrat. Syst., p. 98.

⁴ S. Runciman. Emperor Romanus Lecapenus and his reign. Cambridge, 1929, p. 22. С. М. Магри (L'organisation de l'économie urbaine dans Byzance, Paris, 1925, стр. 16, 18, 23) считают, что двор имел розничные магазины, где под своим контролем распродал изделия государственных мастерских в противовес купеческим „домам“ города. В источниках нет ничего подобного.

⁵ Basil. 57, 9.

⁶ Patr. gr., v. 99, p. 1249.

⁷ Кн. Эп. II, 9.

⁸ Кн. Эп. XIV, 1.

⁹ Там же.

В источниках X в. имеются сведения о существовании ткацкой государственной мастерской в Константинополе. Ее работники находились под начальством чиновника, но составляли цех (*σύστημα*).¹ У нас нет каких-либо данных о структуре и особенностях этих „цехов“. По-видимому, их существование было связано со спецификой государственного ремесленного производства. Это не производство товаров широкого потребления. За исключением горного и оружейного дела государственные мастерские заняты были производством предметов роскоши. Подобные мастерские находились в помещении большого императорского дворца. Роскошные мозаики, шедевры ювелирного искусства, узоры и орнаменты парадных шелковых одежд, музыкальные инструменты, различные украшения и т. д. — все это изготовлялось работниками императорских мастерских. Само собой разумеется, что от этих работников требовались исключительно высокая квалификация, традиция, школа. Придворное ведомство было заинтересовано, чтобы работники этих мастерских передавали знания, секреты, технику мастерства своим детям. Вполне возможно, что эти наследственные, прикрепленные к мастерским ремесленники и были ядром „цехов“. Из их среды, нужно думать, и избирались старшины „цехов“ (*μεϊζότεροι πραιπόσιτοι*), хотя и не ясно, были ли они назначенными чиновниками-надсмотрщиками или выборными лицами „цеха“.

Американский буржуазный ученый Р. Лопец² считает, что наследственные члены цехов государственного ремесленного производства являлись „аристократией труда“. Однако он аргументирует свою „теорию“ лишь двумя доводами: 1) запретом зачислять в *δημόσια σωματεία*³ лиц, не имеющих квалификации и не являющихся родственниками; 2) участием дворцовых ремесленных цехов в церемониях и торжественных процессиях. С этой „теорией“ никак нельзя согласиться. Разумеется, среди работников дворцовых мастерских были лица высокой квалификации. Подобно всем прочим цехам, и „цехи“ императорских мастерских имели свое место в государственных церемониях, тем более, что представители государственных мастерских, например ювелиры, должны были охранять выставляемые напоказ во время торжественных процессий ценности.

Значит ли, однако, что члены этих „цехов“ являлись „аристократией труда“? Отнюдь нет. Прежде всего, такой „аристократ“, в противоположность прочим членам ремесленных цехов, не был хозяином своей эргастерии; затем он не имел права продавать свои изделия, т. е. у этого „аристократа“ не было источника доходов и его доход определялся щедростью императорского чиновника. Он не имел права выбора профессии, не мог оставить место своей работы. И, наконец, поскольку в государственных мастерских работали также и осужденные, отнюдь нельзя допустить мысли о том, чтобы там существовал легкий режим и „архонты“ хорошо обращались с подчиненными. Нет, следовательно, никаких оснований видеть в работниках государственных мастерских каких-то „аристократов труда“.

¹ Лев Диакон. Patr. gr., v. 117, p. 868.

² R. S. Lopez. Silk Industry in the Byzantine Empire, Speculum, t. XX, I, 1945.

³ Вообще нельзя согласиться с утверждением Лопеца, что текст Basil. 54, 16, 16 относится к государственным мастерским. Слово *δημόσιος* в Василиках означает часто „общественнополезный“ — ср. Basil. II, 2, 230, 3: οὗτινος ἡ λυσιτέλεια εἰς πάντας ἀνήκει. Текст 50, 16, 16 мог относиться ко всем *σωματείων*, которые выполняли *δημόσια* (в противоположность *βασιλικά*) *πρῆσια* (ср. Кн. Эп. XIV, 1).

Настоящей аристократией в ремесле были аргиропраты, вестии-праты, метаксопраты и другие члены некоторых „частных“ привилегированных цехов.

Рабочие государственных мастерских считались мятежным элементом и иногда использовались как боевая сила авантюристами и узурпаторами.

Помимо цехового и государственного производства, существовали ремесленники и в частных „домах“ крупных вельмож и богачей Константинополя. По „Книге эпарха“, отдельные „дома“ знатных лиц вели солидные дела: в „домах“ знати было много рабов. В середине X в. паракимомен Василий, как передает Лев Диакон, имел свыше 3 тыс. чел. домашней челяди, которую мог вооружить для участия в переломе 963 г.¹ Вельможи имели своих нотариусов-стряпчих для оформления сделок,² интересовались покупкой шелка, тканей. Ремесло в аристократических „домах“ имело многовековую давность и носило натурально-хозяйственный характер.

Постановления „Книги эпарха“ о „домах“ вельмож и богатых лиц носят двойственный характер. С одной стороны, сановники и собственники „домов“ имели определенные льготы: они покупали импортные ткани непосредственно у заграничных купцов, минуя цеховых посредников.³ Однако в „Книге эпарха“ имеется постановление о том, чтобы ремесло в аристократических „домах“ носило исключительно узко-домашний характер, не являлось бы производством на рынок. „Книга эпарха“ неоднократно выступает против „вельмож“ и „богатых“, в особенности в деле покупки шелка-сырца. Оказывается, знатные люди старались всеми путями купить шелк-сырец, чтобы у себя в „домах“ обрабатывать его. С их стороны были попытки организовать производство высокосортных тканей в „домах“.⁴ Вельможи, как можно судить по отдельным статьям, входили в фиктивные сделки с метаксопратами, катартариями и серикариями для приобретения шелка и тканей.⁵

Это вызывает некоторые недоумения. Если вельможи имели право покупать нужное им количество шелка-сырца непосредственно у заграничных купцов, то непонятны их попытки нелегальными путями приобретать шелк. Но нужно думать, что византийские чиновники были весьма искушенными людьми. Выражение: „в количестве, нужном для потребления в своих домах“, по всей вероятности, имело конкретно количественный смысл: чиновники эпарха знали, сколько шелка-сырца необходимо было для „собственного потребления“; а если „архонт“ хотел добыть больше того, что считалось для него достаточным, то ему приходилось прибегать к нелегальным сделкам.

¹ Лев Диакон. Patr. gr., v. 117, p. 720 „οἰχογενεῖς“, — то, что ему удалось вооружить их, конечно, не говорит о наличии оружейных мастерских в его доме. Василий был крупнейшим чиновником империи и имел возможность воспользоваться государственными мастерскими.

² „Согласно обычаю, некоторые богоугодные заведения, аристократические „дома“, монастыри, убежища для старцев имели своего табуллария» (Кн. Эп. I, 20).

³ Если кто из сановников или из числа других каких-либо „лиц“ пожелает купить что-либо из ввозимых из Сирии тканей, то они могут закупать их лишь в количестве, необходимом для потребления в своих „домах“ (Кн. Эп. V, 4).

⁴ „Мы не разрешаем, чтобы какое-либо лицо, состоящее на службе у вельможи, или частное лицо изготовляли пурпуровые платья...“ (Кн. Эп. VIII, 2).

⁵ „Если катартарии... тайно входя в соглашение с богатым лицом, покупают и закладывают шелк-сырец, то будут подвергнуты побоям“ и т. д. (Кн. Эп. VII, 1). „Если какой-либо метаксопрат якобы на свое имя, но в действительности купит шелк-сырец для вельможи или богатого лица... будет исключен из цеха“ (Кн. Эп. VI, 10).

Подобные же контрабандные мероприятия вельмож можно отметить и при торговле скотом. Отдельные торговцы скотом, желая избежать контроля государства, в особенности тяжелых рыночных сборов в пользу казны, входили в соглашения с „архонтскими лицами“. Вельможи разрешали скрывать скот в своих дворах и производить там тайную торговлю. „Книга эпарха“ запрещает подобные сделки.¹

Могущественные „дома“, однако, имели право продавать готовые одежды вестииопратам, т. е. цеховым торговцам шелковыми одеждами. При этом „архонты“ в „Книге эпарха“ упоминаются наряду с профессиональными торговцами шелковыми тканями — серикопратами.² Непосредственная продажа „архонтскими лицами“ потребителям, видимо, запрещалась.

Можно считать установленным, что Лев VI враждебно относился к попыткам крупных землевладельцев, имеющих „дома“, стать конкурентами местных цехов. *ἄρχοντες* и *πρωτοποι* не имели права, по крайней мере в Константинополе, организовывать у себя производство на рынок, но могли иметь свои мастерские из людей своей *familia* (в пределах *οἴκου*, т. е. для „собственной потребности“), причем излишки должны были продаваться исключительно цеховым торговцам, а не на рынок.³ Эти постановления были в духе новелл императоров Македонской династии X в. В деревне византийское правительство в интересах городской знати стремилось сохранить свободное крестьянство, в городе — цеховое ремесло и торговлю. Это было необходимо для укрепления могущества византийского государства и правящей прослойки константинопольской знати.

Упомянутый выше Р. Лопец⁴ считает, что „Книга эпарха“ — памятник, явившийся результатом компромисса между знатью и купечеством. Лопец полагает, что все запреты, относившиеся к знати, были настолько же безрезультатными, насколько тщетными были попытки сдержать рост крупного землевладения. Однако утверждения Лопеца не могут быть приняты. В деревне византийское правительство потерпело неудачу потому, что крестьянство, в защиту которого, как объяснялось, были направлены новеллы X в., тем не менее не привлекалось к охране своих интересов. Наоборот, в городе ремесленники и торговцы были включены в аппарат контроля за выполнением постановлений „Книги эпарха“.

Р. Лопец считает, что в X в., когда правила „Книги эпарха“ были в силе, „знатный“ — вельможа — имел больше возможностей стать „капиталистическим“ предпринимателем, чем член частной „гильдии“. В руках знатного было собственное сырье и дешевая рабочая сила — рабы. Однако, прибавляет Лопец, сомнительно, чтобы „феодалный лорд“ (так называет Лопец лиц „архонтского состояния“) мог иметь „предпринимательский дух“ (*business spirit*).⁵

Можно согласиться с тем, что некоторые возможности предпринимательства имелись у знатных лиц, но, добавляем, для этого нужно было бы использовать цеховую систему, иметь подставных лиц в цехах и т. д. Вне цеховой системы иметь „предприятие, работающее на рынок“ было почти невозможно. С другой стороны, самое понятие „знат-

¹ „Если кто из свиноговцев будет уличен в том, что скрывает свиней во дворе какого-либо вельможи и там тайно продает их, подлежит наказанию“ (Кн. Эп. XVI, 4).

² Кн. Эп. IV, 2.

³ „Вестииопраты покупают одежды или от сановных лиц“ (там же).

⁴ R. S. Lopez. *Speculum*, t. XX, I, 1945, p. 16.

⁵ Ibid., p. 20.

ное лицо" в Константинополе нельзя обязательно соединять с представлением о феодальном сеньоре. Константинопольская знать в IX—X вв. еще далеко не вся имела феодальный характер. Понятие „архонт“ тесно связано с представлением о службе в бюрократическом аппарате, причем иметь высокие звания и владеть „домами“ в Константинополе могли не только крупные землевладельцы, но и лица, вкладывающие свои средства в покупку должностей и званий. Разбогатевший член „частной гильдии“ в Византии мог купить звание и сделаться „знатым лицом“. Привилегированные цехи Византии X в. не были отделены от придворной знати непреодолимой стеной. В этом специфика экономического и политического строя Византии. Тем не менее крупные землевладельцы и собственники пригородных проастиев находились в привилегированном положении. Эпарх мог регулировать цены в пределах Константинополя, но не имел никаких возможностей оказывать влияние на цены ввозимых в город продуктов сельского хозяйства. Малая Азия издавна была страной скотоводства. С течением времени удельный вес скотоводства все повышался. Малоазийские динаты были собственниками крупных стад скота. Никаких ограничений при установлении цен на скот законодательство не знает. Применительно к покупным ценам на скот устанавливалась цена на мясо. Фактически уровень цен зависел от крупных ставовладельцев, которые могли в годы засухи или войны произвольно взвинчивать цены, искусственно создавая „эндеи“ — особые периоды недостатка товаров и дороговизны.

В отношении виноторговцев (*κάπηλοι*) регулирование цен касалось только мелких трактирщиков. Эти трактирщики должны были покупать вино и продавать *ἀναλόγως τῇ ἐξωνήσει*, т. е. сообразно закупке.¹

Кто были эти торговцы вином — *οἰνέμποροι*? Очевидно, это были или собственники проастиев, т. е. константинопольская знать, или перекупщики. Окрестности Константинополя представляли собой сплошной виноградник. Византийские поэты восторженно описывали красоту пригородных „проастиев“ и их виноградников.² Никаких норм прибыли для собственников проастиев не устанавливалось. Норма прибыли вводилась только для торговцев вином врозницу. Этими мероприятиями городской эпарх, не затрагивая интересов знати, добивался на рынке возможно более низкой цены на вино. Понижение цен было в интересах потребителя, но в то же время в низких ценах заинтересованы были собственники виноградников, так как при более высокой прибыли трактирщиков вино было бы дороже и спрос на него мог сократиться. В подобных мероприятиях ярко проявляется классовая политика византийской монархии. В первую очередь соблюдались интересы землевладельческой константинопольской знати, но вместе с тем принимались меры к поддержанию многочисленной прослойки хозяев „эргастерий“. Эта прослойка давала солидные доходы казне и была серьезной опорой императорской власти.

В „Книге эпарха“ имеются в виду ремесленные цехи и цехи — объединения торговцев. Судя по термину „эргастерия“, можно думать, что первоначально торговый цех вышел из ремесленного. Продажа ремесленником своих изделий была настолько обычна, что наименование „эргастерия“ (производственная мастерская) стало применяться и к лавке, которая не имела характера мастерской. Общее

¹ Кн. Эп. XIX, 1.

² Стихотворения „на проасти“ Арабия, Павла Силенциария, Мариана Схоластика и др. собраны Бандури. Imper. Orient., I, p. 150—151.

название *ἐργαστήρια* стало обозначать и ремесленников и торговцев. В „Книге эпарха“ „эргастерия“ — иногда мастерская, иногда лавка.

Необходимо остановиться на вопросе о связях ремесла и торговли. Буржуазные ученые Гериг и Рудаков считают характерным для Византии отсутствие посредника между производителем и потребителем.

„Характерным явлением, — пишет Рудаков, — следует считать связанное с домашне-ремесленным типом производства отсутствие торговца, как посредника между производителем и покупателем, отсутствие за немногим исключением в византийских городах магазинов и замена их теми лавками-мастерскими, где хозяин, принаравливаясь к определенному спросу определенного круга населения, изготовлял и продавал определенное число предметов, не зная ни конкуренции, ни перепроизводства“.¹ Однако „Книга эпарха“ далеко не подтверждает выводов Рудакова. Можно сказать с уверенностью, что в наиболее важных видах ремесла — в производстве шелка и льняных тканей — положение было как раз обратным. В „Книге эпарха“ мы читаем: „Метаксопраты не имеют права обрабатывать шелк-сырец, но только покупать и перепродавать“.²

„Если катартариий желает, чтобы его приняли в цех торговцев шелком... он должен дать присягу, что бросает обработку шелка“.³

„Кто является серикарием (ткачом) и вестиопратом (торговцем шелковой одежды), должен выбрать что-либо одно, так как иметь две профессии запрещено...“⁴

Ихтиопраты, т. е. рыботорговцы, не имели права коптить рыбу. Продавать копченую рыбу могли только салдамарии.⁵ Следует отметить, что салдамариям предоставлялась монополия на торговлю множеством товаров широкого потребления: льняными нитками, бутылками, гвоздями, растительным маслом, сыром и т. д.⁶

Наличие салдамариев — владельцев магазинов, торгующих товарами широкого потребления, свидетельствует о том, что между ремесленником и потребителем, если не везде, то в самом Константинополе, существовал посредник. Иначе и быть не могло, так как Константинополь был слишком важным пунктом международной торговли, сосредоточением богатств, стекавшихся со всей империи, и крупнейшим центром потребления с многочисленными местными и приезжими покупателями. К. Маркс отмечает особую специфику Константинополя как „Эмпории“.

В „Книге эпарха“ неоднократно упоминается о „метапратах“.⁷ Это — посредники, находившиеся вне признанной цеховой системы, „перекупщики“, которые стремились скупить товар, чтобы потом перепродать его по повышенной цене. Они подвергались преследованиям, так как подрывали регулирование цен и снижали преимущества членов цехов.

В „Книге эпарха“ нет выражения „справедливая цена“, но понятие это присуще торговой политике византийского правительства. В „Эпа-

¹ А. П. Рудаков. Цит. соч., стр. 159.

² Кн. Эп. VI, 14.

³ Кн. Эп. VII, 3.

⁴ Кн. Эп. VIII, 6.

⁵ Кн. Эп. XIII, 1; XVII, 2.

⁶ Кн. Эп. XIII, 1, 4.

⁷ Эпанатога IV, 8.

нагоге“ говорится об обязанностях епарха заботиться, чтобы „мясо продавалось по справедливой цене“.¹

Мясник обязан был одно из животных заколоть и разрезать на части в присутствии епарха. При определении продажной цены принималось в расчет, что ноги, голова и внутренности идут в пользу мясника, а остальное мясо при продаже должно покрыть затраты на покупку животного. При определении цены на хлеб булочник должен в присутствии симпона купленное на одну номисму зерно размолоть, заквасить; а симпон, исходя из затрат и „нормальной прибыли“ в $\frac{1}{24}$ затраченных средств, должен определять цену продаваемых караваев хлеба.² Подобным же образом определялась „справедливая цена“ и в рыбной торговле, в торговле вином и в магазинах салдамариев.³

Привлекает внимание вопрос о дифференциации прибыли. Выше всех получали прибыль салдамарии: с каждой номисмы — по 2 миллиарсия, т. е. $16\frac{2}{3}\%$; рыботорговцы получали прибыль только в $8,4\%$, а хлебопеки еще меньше — $4,2\%$.

Высокий процент дохода с каждой номисмы салдамария фактически снижался сравнительно медленным оборотом. Процент прибыли хлебопека ниже, но оборот его торговли много быстрее, поэтому общий доход хлебопека мог быть не ниже, а скорее выше, чем у салдамария.

Регулирование цен имело целью не только обеспечение спокойствия в столице путем удовлетворения некоторых минимальных потребностей константинопольского населения. Регулирование цен должно было также обеспечить константинопольской знати господствующее положение в империи. Кроме того, регулирование цен удовлетворяло интересы работодателей, в том числе хозяев эргастерий привилегированных цехов: сравнительно низкий уровень цен на предметы широкого потребления давал возможность работодателям выдавать мистиям ничтожную заработную плату.

„Книга епарха“ составлена в начале X в., во время своеобразного положения византийской торговли. Средиземное море, игравшее большую роль в развитии византийской торговли, в это время было почти закрыто для торговли византийских купцов. Арабские завоевания коснулись ряда островов. Особенно чувствительной была потеря Крита. По Льву Диакону, арабы сделали Крит основной базой для нападений на империю. Все приморское побережье и острова опустели.⁴ Даже морской путь Константинополь—Солунь был оставлен. В связи с этим положением в „Книге епарха“ нет никаких намеков на объединение купечества, имеющие целью организацию заморских путешествий, нет сведений о судостроительных рабочих. Особенно поражает то обстоятельство, что всякий раз, когда в „Книге епарха“ упоминается о торговле заморскими товарами, говорится о покупке товаров от иностранных и иногородних купцов. Нигде нет упоминаний о покупке иностранных товаров, привозимых константинопольскими купцами, наоборот, имелся специальный запрет отправляться в торговых целях за пределы столицы: „Если метаксопат будет уличен в том, что он для покупки шелка-сырца отправится в чужие страны, то он будет исключен из цеха“.⁵ Можно с определенностью сказать, что для конца IX и начала

¹ Эпанагога IV, 8: $\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota\sigma\iota\varsigma\ \tau\acute{\iota}\mu\eta\mu\alpha\sigma\iota\ \tau\acute{o}\ \chi\rho\acute{\epsilon}\alpha\varsigma\ \pi\iota\pi\tau\acute{\alpha}\sigma\kappa\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$; ср. Basil. VI, 4, 2.

² Кн. Эп. XV, 2; XVIII, 1.

³ Кн. Эп. XVII, 1; XIX, 1; XIII, 6.

⁴ Лев Диакон. I, 6; I, 8; Patr. gr., v. 117, p. 673, 677

⁵ Кн. Эп. VI, 12.

X в. (может быть, вплоть до обратного завоевания Крита) константинопольская торговля была пассивной. Это не означает, что византийская торговля вообще была пассивной; морские и сухопутные путешествия в торговых целях велись главным образом провинциальными купцами (в то время особенно через Трапезунд). Но в Константинополе заморские товары покупались у чужеземных и провинциальных купцов¹ со всеми ограничениями для иностранцев.

Задачи торговых цехов Константинополя были диаметрально противоположны задачам ганз и торговых компаний Запада. Никаких задач облегчить, усилить, поощрить вывоз не было. Наоборот, все виды поощрения, все льготы существовали для импортеров: „Те, которые приезжают с шелком из-за границы, при продаже в домах для временно пребывающих в столице освобождаются от всяких торговых пошлин, кроме квартирной платы и платы за проживание“.²

В отношении окрестных крестьян, прибывающих в столицу, имелось следующее постановление: «Пусть не препятствуют крестьянам-„хоритам“ приезжать в столицу и продавать скот». Таким образом, правительство стремилось к тому, чтобы по возможности больше товаров привлекать в столицу и чтобы товары не вывозились из столицы. Заботы о том, чтобы столица не потеряла своего привилегированного положения в отношении наличия товаров, приводят к довольно курьезным запретам: „Пусть иногородние не покупают одежды в большем количестве, чем нужно для их собственного одевания, при этом при условии, чтобы одежда была ношена в самой столице“.³ Даже вывоз рыбы был запрещен.⁴ Чувствуется одна забота: лишь бы товар не ушел из столицы в провинцию.

Эта забота об „изобилии“ в столице, которая так часто отмечается в византийских хрониках, вполне соответствовала интересам константинопольской городской знати. Местным домовладельцам и владельцам проастиев выгодно было, чтобы купцы всех стран приезжали в Константинополь. Активность внешней торговли предоставила бы выгоды совсем не тем прослойкам господствующего класса, которые находились у власти в Византии того времени.

Интересно отметить, что в грамоте, данной в 992 г. венецианцам, назначались таможенные сборы: за корабль, прибывающий в Константинополь,⁵ — 2 солида, отбывающий — 15 солидов. В данном случае разница обозначает не то, что товары, вывозимые из Византии, были дороже, чем ввозимые (за каждый товар бралось отдельно), а лишь покровительство ввозу. Провинции обязаны были кормить столичное население. Местное население Рима, а потом Константинополя привыкло находиться в исключительно привилегированном положении. Нуманциан ярко выразил эту мысль еще в V в.:

¹ Кн. Эп. V, 4, 5; VI, 5, 9; VIII, 14; IX, 6; X, 2; XII, 6; XX, 2.

² Кн. Эп. VI, 5.

³ Кн. Эп. IV, 8. Maeri („L'organisation de l'économie urbaine dans Byzance sous la dynastie de Macédoine“. Paris, 1925) по этому поводу отмечает (стр. 52), что громадная разница была между жителями Константинополя и теми, кто не имел этой чести. „Подданные Византии, которые не жили в Константинополе, не имели права даже одеваться так, как жители столицы. Ношение определенных тканей было разрешено в столице и находилось под запретом в провинции“. Но вряд ли можно сделать вывод, что раз вывоз из Константинополя был запрещен, то продажа в провинции тоже была под запретом. Рыбу запрещалось вывозить из Константинополя, но это не значит, что запрещалось есть ее в провинции.

⁴ Кн. Эп. XVII, 2.

⁵ Patr. gr., v. 177, p. 616.

Пусть плодородьем весь мир кормит отца своего!¹

Такая политика, приведшая к пассивности константинопольской торговли, дала в дальнейшем пагубные результаты для Византии. Инициатива в торговле перешла к итальянским купцам, и меньше чем через два столетия на константинопольском рынке господствовали венецианцы.

В X в. этого еще не было. Иностранцы привозили товары, но торговали иностранными товарами константинопольские торговцы, объединенные в цехи.

Торговля иностранными товарами находилась в руках особой группы константинопольских дельцов. Однако они господствовали не безраздельно. Как мы указывали выше, лица (*πρόβωποι*) из сановников и прочих владельцев „домов“ имели право покупать товары непосредственно у иностранных купцов.² Следовательно, торговля иностранными товарами велась местными купцами главным образом для удовлетворения нужд средней прослойки горожан и временно находящихся в Константинополе чужеземцев и провинциалов.

Иностранные купцы должны были производить свои операции в особых домах — „митата“. Иностранцы были как бы отгорожены от прочего купечества Константинополя.³ В дальнейшем, однако, иностранцы стали приобретать особые привилегии и постепенно „митата“ из гостиных дворов превратились в постоянные кварталы иностранцев с особыми привилегиями, ограничивающими роль византийских чиновников в их контроле над внешней торговлей. Бывшие „митата“ в предместьях Константинополя фактически перестали быть византийской территорией.

Необходимо коснуться вопроса, существовала ли как элемент, конкурирующий с цеховой торговлей, государственная торговля.

Русский ученый Черноусов,⁴ разбирая „Книгу эпарха“, пришел к заключению:

„Государство было не только законодателем, регулирующим внутренние и внешние отношения торгово-промышленных корпораций, но и предпринимателем, привлекавшим, и притом бесплатно, последние к себе на службу, начиная с древнего Египта... вплоть до Византии включительно“. „Книга эпарха“ не дает никаких аргументов для подтверждения этого вывода. Наоборот, в главе о лоротомах говорится, что они привлекались на работу, но получали за это плату. В „Книге церемоний“ Константин Багрянородного описываются приготовления к походу византийских войск на Крит. При этом для изготовления необходимого снаряжения привлекались различные ремесленники, но за плату.

Был ли эпарх организатором торгового или ремесленного предприятия? Извлекал ли он доход от продажи товаров в пользу казны или в пользу города? Никакими данными для того, чтобы ответить на эти вопросы утвердительно, мы не располагаем. Наоборот, имеются указания на регулирование, контроль, заинтересованность в бесперебойном снабжении.

В „Книге эпарха“ есть одно место, которое может служить аргументом в пользу предположения, что эпарх являлся организатором

¹ Клавдий Нуманциан, 142.

² Кн. Эп. V, 4.

³ R. S. Lopez. Speculum, t. XX, I, 1945, p. 45.

⁴ См. Е. Черноусов, рецензия на книгу Штёкле в ЖМНП, 1914, сентябрь.

предприятий: в главе XVIII, 1 говорится о том, что хлебопеки должны покупать зерно ἐν τῷ συμπόῳ. Если переводить это „у симпона“, то создается представление о том, что в ведении эпарха находилась торговля зерном и что государство снабжало им хлебопек.

Византийское правительство неоднократно пыталось ввести государственную монополию в хлебной торговле. Однако эти попытки не имели успеха. Михаил V организовал φοῦνδαжа (государственные хлебохранилища), куда крестьяне должны были сдавать зерно. Это мероприятие в середине XI в. считалось новшеством и оказалось недолговечным.

Во время издания „Книги эпарха“ монополии в хлебной торговле не существовало. Снабжение столицы хлебом было в руках хлебопек. В „Книге эпарха“ нет указаний, от кого покупали они зерно.

Выражение ἐν τῷ συμπόῳ нужно переводить не „у симпона“, а „в присутствии симпона“. Такой же порядок, как мы указывали, существовал для определения продажной цены товаров мясников, рыботорговцев и виноторговцев.

Государственные мастерские удовлетворяли потребности императорского двора, дипломатии и армии. Все изготовлялось в государственных мастерских для государства. Предметы, изготовленные в государственных мастерских, несмотря на строжайшие запреты,¹ благодаря продажности чиновников могли попадать на рынок и продавались по незаконно повышенным ценам, так что заведывание государственным хозяйством служило для обогащения чиновников из константинопольской знати² и должность „архонта“ государственной мастерской могла быть очень доходной. Макри,³ опираясь на закон „о метаксе“, запрещающий коммеркиариям продавать метаксариям шелк-сырец по повышенной цене, говорит о государственной торговле излишками. Однако Макри недостаточно верно передает смысл запретов.

По закону о метаксе, коммеркиарии покупают от „варваров“ шелк по 15 номисм за литру и по той же цене передают шелк метаксариям. Тут никакой торговли нет. Казна в данном случае не получает никаких выгод. Это правило имело целью не допустить повышения цен. Очевидно, что коммеркиарии в корыстных целях иногда пытались создать себя посредническую прибыль, что и запрещалось законом „о метаксе“.

Государственные мастерские существовали не для продажи товаров на рынке, запреты означали не исключительное право на торговлю данными товарами в интересах фиска, а лишь сохранение привилегий на потребление определенных предметов знатью. В Кодексе Юстиниана (кн. XI, 12) приводятся запреты производства и потребления различных предметов роскоши. Из этих статей видно, что производство предметов роскоши запрещалось лишь постольку, поскольку запрещалось их потребление. Государство, если не считать отдельных злоупотреблений и махинаций чиновников, не могло продавать те ткани, носить которые запрещало. Государство не выступало в качестве купца, продающего в интересах казны изделия своих мастерских. В Кодексе Юстиниана имеются сведения лишь о распродаже государ-

¹ Basil. XIX, 1, 82—84.

² Новелла Льва VI предусматривает наказание за кражу казенного имущества.

³ См. Maeri. Op. cit., стр. 192.

ством военной добычи. Вообще ни в Кодексе Юстиниана, ни в его новеллах нет и следа постановлений о государственной торговле в интересах фиска предметами, изготовленными государственными мастерами, или заграничными товарами, закупленными через коммеркиариев. Считается, однако, что Прокопий в XXV главе „Тайной истории“ говорит о государственной монополии в торговле шелком и что эта монополия разорила широкие массы ремесленников и купцов.¹ Однако Прокопий говорит лишь о введении твердой цены на шелк, которая не покрывала издержек на покупку сырья. Кроме того, он упоминает о махинациях Петра Барсимы, начальника государственных мастерских, который в то же время был заведующим финансами двора. Петр Барсима вел незаконные операции: пользуясь своим положением, он, не стеснясь, продавал казенное имущество на рынке по спекулятивным ценам. Юстиниан, испытывая нужду в деньгах, смотрел на это сквозь пальцы. Нет никакой необходимости видеть в этих совершенно понятных финансовых махинациях планомерную государственную монопольную торговлю. Прокопий о продаже Барсимой государственного имущества говорит с таким же негодованием, как и о получении Юстинианом наследств по подложным завещаниям.

Нигде в „Книге епарха“ нет положений, которые могли бы свидетельствовать о противоречиях цеховой торговли и интересов фиска. Вся регламентация в установлении качества товаров сводится к двум моментам: к регулированию цены (установление веса) и к запрету изготовлять определенные ткани и продавать определенные товары.

В сущности эти запреты сводились к задачам снабжения в средневековом понимании: потребление должно соответствовать общественному положению данного лица. Цель запретов — не устранить конкуренцию, но добиться, чтобы те товары, которые по привилегированному снабжению полагается потреблять только определенным слоям знати и двора, не сделались предметом массового потребления.

Средневековые хорошо знают подобное нормирование потребления в форме категорических запретов.

Право потреблять ту или иную вещь не зависело от возможностей ее покупки, а от общественного положения человека. Например, в уставе франкфуртских сукноделов 1345 г. в § 1 говорится: „Никто из членов нашего цеха не должен делать сукон с каймой, разве только по заказу шеффов, которые вместе с членами семейств могут носить такие сукна“. Подмастерьям запрещалось носить платье с разрезами (§ 9), белую обувь из трех сортов кожи (§ 10), кольца, шелковые галстуки.

Подобные постановления имели целью не борьбу с большими затратами на предметы роскоши, а стремление создать внешнюю грань между различными социальными слоями населения. Такого же рода запреты есть в „Книге епарха“.

Если торговец шелковыми одеждами приобретал одежду высокого качества, т. е. стоимостью выше 10 номисм, то он был обязан представить ее экспорту, чтобы тот указал, где эта одежда должна продаваться.² То же самое говорится и относительно целого ряда материй (влаттии, месофоры и т. д.).³ Всюду видна забота о том, чтобы высоко-

¹ См. статью Н. В. Пигулевской во II т. „Византийского Временника“, стр. 26 и 193.

² Кн. Эп. IV, 2.

³ Кн. Эп. VIII, 1; IV, 3.

сортные товары не сделались предметами, доступными для каждого. Особо фигурирует запрет изготовлять гипогирь, которые может носить только один государь.¹

Серикарии могут изготовлять запретные ткани только по требованию епарха, если в них ощущает потребность двор.² Запрещалось торговать галльским мылом, так как это тоже было исключительным правом двора.³

Какой же вообще был смысл изготовлять *κεχωλουμενα* — запретные ткани, если носить их строго запрещалось? Дело в том, что торговля запретными тканями имела большое значение для внешнего рынка, для контрабандного сбыта знатым иностранцам. Запрещенные в Византии одежды и обувь свободно потреблялись за ее пределами. Таможенные чиновники усиленно препятствовали контрабандному вывозу, чему свидетелем является Лиутпранд, лично пытавшийся провезти контрабандой роскошные ткани.

Взаимная слежка, ответственность нарушителей, рыночная инспекция — все это создавало условия, вряд ли способствовавшие широкому развитию производства „запретных тканей“. Повидимому, оно было распространено не более, чем выпуск фальшивой монеты.

Но что обозначают запреты в области внешней торговли? Византия производила ткани, которые по качеству не имели соперников во всем мире. Почему было не использовать это преимущество для извлечения прибылей?

По Лопецу,⁴ целью регламентации и запретов во внешней торговле являлось стремление сохранить за Византией монопольное положение в шелковой промышленности. „Методы, применяемые для сохранения монополии, внушают недоумения, но результаты их замечательны: шелковая промышленность процветала в Византии в продолжение четырех столетий. Упадок таковой произошел не вследствие недостатков в монополии, а вследствие внешних событий“. Однако задачи сохранения монополии вовсе не связаны с запретами вывоза. Для сохранения монополии логичен запрет продавать раба, знающего производство,⁵ но совершенно нелогично запрещение продавать ценные ткани. Объяснение запретов следует искать в методах византийских международных сношений.

Государственной изменой считалась продажа оружия варварам. Кодекс Юстиниана запрещал отправлять варварам вино, масла, *liquamen* (особое изысканное рыбное кушанье), „*ne proinde illecti eorum dulcetudine promptius invadunt fines Romanorum*“ („чтобы соблазненные вкусом таковых не решились бы с большей легкостью вторгаться в пределы римлян“). Запрещалось продавать варварам, даже пребывавшим в Константинополе в качестве послов, предметы роскоши.⁶ Новелла 63 Льва VI подтверждает эти запреты, но несколько ослабляет наказания.

Запреты продавать иностранцам роскошные ткани имели целью облегчить византийским дипломатам оказывать давление на иностранные правительства. Подарки в виде роскошных тканей для византий-

¹ Кн. Эп. VIII, 2.

² Там же.

³ Кн. Эп. XII, 4.

⁴ *Speculum*, 1945, I, 3.

⁵ Кн. Эп. VIII, 7.

⁶ Запреты в *Cod. Just.* IV, 41, 1, *Basilica* XIX, 1, 86, 87, *Synopsis basilic. Zachariae von Lingenthal.* *Jus. Gr.-Rom.* V, 26.

ской дипломатии имели огромное значение. Византийским дипломатам было выгодно, чтобы варвары сознавали, что иначе, чем через дружбу с императором, предметы роскоши, производимые Византией, им недоступны. Но результат этой политики был вполне определенным: византийских купцов на мировых путях вытеснили восточные купцы. Уже в конце X в. амальфитанские купцы, ведя торговлю непосредственно с мусульманами, могли продавать ценные ткани в Риме дешевле, чем они стоили в Константинополе.¹

Византийские внецеховые ремесленники, о которых трактует XXII глава „Книги эпарха“, в полной мере были принижены членами податного сословия, объектом произвола и эксплуатации со стороны чиновного мира. Но константинопольские цеховое ремесло и цеховая торговля были самым тесным образом связаны с государственным аппаратом. Государственные функции рыночной инспекции осуществлялись членами цехов, каждым в сфере своей профессии.

Аргиропраты обязаны были производить официальные расценки драгоценностей; они следили за соблюдением запрета вывозить ценности за границу; наблюдали за тем, чтобы не продавались краденые вещи, а старшина цеха аргиропратов фактически выполнял функции следователя по выявлению краденых драгоценностей.²

Как отголосок иконоборчества на рынке попадались иногда драгоценные предметы культа.³ Аргиропрат под угрозой конфискации обязан был сообщать эпарху о подобных фактах. Согласно статьям 4 и 6 „Книги эпарха“, аргиропраты фактически имели право арестовывать и препровождать к эпарху или старшине цеха торговцев драгоценностями. Трапезиты должны были делать то же с нелегальными менялами.⁴ Керулларии (свечники) должны были доносить эпарху о нарушителях правил изготовления свечей и незаконной торговле свечами.⁵

„Вофры“ были перекупщиками лошадей и давали советы их покупателям, но одновременно следили за рынком, обнаруживали краденых лошадей, разрешали конфликты в случае желания покупателя вернуть купленное животное.⁶

Еще теснее были связаны с бюрократической системой Византии старшины цехов. Во главе цехов стоял экзарх или простаты. В правление Льва Мудрого, т. е. ко времени составления „Книги эпарха“, экзархи и простаты (по обряднику, составленному Филофеем) входили в штат городского эпарха.⁷

Николь считает их чиновниками, назначенными эпархом для наблюдения за цехом, Штёкле — выборными старшинами цеха. По смыслу статей „Книги эпарха“ — это выборные старшины цеха, даже если фактически они и назначались эпархом. В „Книге эпарха“ это соединение принципа выборности и назначения формулируется дипломатично: „Лоротомы должны иметь своего собственного простата, который избирается сообразно с советом эпарха“.⁸

¹ „Byzantion“ IX, 448.

² Кн. Эп. II, 4, 6.

³ Кн. Эп. II, 7.

⁴ Кн. Эп. III, 2.

⁵ Кн. Эп. XI, 6, 8.

⁶ Кн. Эп. XXI.

⁷ *Constantini Porphyrogeniti imperatoris des cerimoniis aulae Byzantine. Patr. gr., v. 112, p. 1117.*

⁸ Кн. Эп. XIV, 2: ἐπαρχικῇ βουλῇ προχειρίζμενον.

Функции главы цеха — прежде всего поддержание внутренней дисциплины среди членов цеха и руководство в выполнении государственных обязанностей, возложенных на цех. Однако настоящий контроль за выполнением членами цеха государственной регламентации осуществлялся не старшинами цеха, а особым государственным чиновником-симпоном.

Из „Книги эпарха“ следует, что по делам каждого цеха или группы смежных цехов имелся отдельный симпон.¹ В „Книге эпарха“, например, говорится, что ремесленники сыромятного и шорного производства „имеют общего простата и подчинены одному и тому же симпону“.²

В решении вопроса о симпонах имеются некоторые затруднения. По современному „Книге эпарха“ обряднику Филофея, в штате эпарха имелся только один симпон — крупный сановник, помощник градоначальника столицы;³ обрядник Филофея, несмотря на то, что относится к тому же времени, что и „Книга эпарха“, не знает нескольких симпонов. Однако функции „заместителя эпарха“ могли выполняться не каким-либо определенным должностным лицом, но возлагаться эпархом на любого из штатных чиновников (целый ряд инспекторов-эпискептитов); возможно, эти функции поручались лишь на определенный срок.

Но вероятнее всего, что многочисленные симпоны были включены в штат эпарха позднее выпуска обрядника Филофея, в последние годы правления Льва VI (обрядник выпущен в 899 г., а „Книга эпарха“ — не раньше 911 г.). Именно время правления Льва VI характеризовалось повсеместным укреплением и расширением чиновничьего аппарата.

Византийский цех не принимал большого участия в регулировании производства. Это было делом правительства. Для византийского цеха были чужды постановления, подобные тем, которые издавались западноевропейскими цехами XIII—XIV вв.: „Исстари у нас в обычае, что мы сами можем принимать все постановления, вызываемые нуждами ремесла, если только данные вопросы не подлежат ведению городского совета“.⁴ В Византии все регулирование проводилось от имени эпарха.

В моменты смуты ремесленники (ἐργαστηριακοί) были обязаны давать присягу. Их представители, наравне с синклитом, правителями фем и столичного гарнизона, собирались на „силенции“ и приносили присягу с собственноручной подписью.⁵ Византийские цехи выполняли и военные функции. Так, например, в военных предписаниях Константина Багрянородного говорится: „Перед отправлением в поход император должен сосчитать народ, сколько в ведении тагм города (городского гарнизона) и сколько в ведении городского эпарха“ („ἀπαριθμήσαι τὸν λαόν, ὅσοι τε ὑπὸ τὰ τάγματα εἰσὶ τῆς πόλεως, καὶ ὅσοι ὑπὸ τὸν ἐπαρχόν“), т. е. населения, обязанного военной службой в случае нападения врагов; он же дает указание, „в какой части каждый из (входящих в ведение эпарха) цехов должен нести защиту города“ („ἐν ποίῳ μέρει ἕκαστον τούτων τῶν συστημάτων φυλάσσει τὴν πόλιν“), во время нападения врагов — исправлять повреждения стен и т. д.⁶

¹ Кн. Эп. XVIII, 4.

² Кн. Эп. XIV, 2.

³ Patr. gr., v. 112, p. 540, 1116.

⁴ Устав сукноделов г. Франкфурта 1345 г., § 9.

⁵ Theophanes, ed. de Boor, p. 379.

⁶ Constantini Porphyrogeniti. Patr. gr., v. 112, p. 833.

Из „Тактики Льва VI“ видно, что ремесленники привлекались в армию. Во время похода полководец должен был иметь при обозе *μαγγαχτρίους* (оружейников), *λεπτοურγούς* (возможно, слесарей), *χαλκείς* (кузнецов) и поставить над ними архонта (*ἴδιον ἄρχοντα ἐπιστήσαναι*).¹

Цехи находились под непосредственным руководством эпарха. Ко времени Льва VI уже не осталось никаких следов подчинения местной торговли и ремесла епископу, который еще в VII в. выполнял значительные функции контроля над взиманием пошлин, имел право ревизии мер и весов и вмешивался в городские дела, зачастую вступая в конфликт с эпархом.² Правление Стилиана, министра Льва VI, резко ограничило влияние церкви. Однако члены цехов обязаны были следить, чтобы в их среде не было еретиков-манихеев. Если же кто, зная об этом, не сообщит властям, то, если это и православный, подлежит смертной казни.³

* * *

Особые привилегии константинопольских цехов, тесная их связь с государственным аппаратом в X и XI вв. отражали ту стадию генезиса византийского феодализма, когда провинциальная военно-землевладельческая знать еще не полностью захватила в свои руки господство. В конце XI в., когда в Византии стали получать преобладание западноевропейские формы феодализма, ремесло и торговля стали терять свое значение в Константинополе. „Книга эпарха“ была вытеснена хрисовулами, дарованными венецианцам и генуэзцам. Константинополь остался важной эмпорией, но доходы левантйской торговли стимулировали переход к раннему капитализму не в Византии, а в Северной Италии.

Таким образом, подводя итоги, можно утверждать, что „Книга эпарха“ дает богатый материал для изучения структуры, социального состава и функций византийских цехов X в. Она является ценным источником, помогающим уяснить роль цеховых организаций в социально-экономической жизни византийского государства.

¹ Leonis VI. Tact. VI, 27 (ed. Patr. gr., v. 107).

² Житие Иоанна Милостивого, 31—34 (Gelzer. Leontius v. Neapolis).

³ Эпанагога XI, 30.